

Дом был напоен звуками. Днем и ночью в его перекрытиях и стенах вибрировали шумы, преодолевающие этажи и подъездные секции: ревели перфораторы, зудели соковыжималки, кричали на разные голоса телепередачи, бухала музыка, лаяли собаки, скандалили пленники семейных уз, хлопали металлические двери. Ненадежные окна атаковала уличная жизнь: рокотал проспект, звенели трамваи, голосила автомобильная сигнализация, визжали дети, высыпавшие из школы. Иногда в общий хор вливались экзотические звуки, которые трудно было распознать. Пенсионерка Раиса Степановна, готовившая мужу завтрак, дивилась странному гудению, которое с раннего утра доносилось из сквера.

Пока Валентин Иванович собирался на работу — он еще преподавал, несмотря на возраст, — дом просыпался. Сначала доносились только завывания лифта и бодрые голоса дикторов, поднимающих настроение граждан, злых от недосыпа, но со временем полифония становилась богатой и разнообразной. Заплакал младенец, заскребли по ламинату когти, ровно в

девять, избегая жалоб на нарушение закона, далекий умелец включил токарный станок. Раиса Степановна собиралась за продуктами, но окрестные магазины по московскому заведению открывались не раньше десяти, поэтому она, дожидаясь срока, вытирала пыль и поливала цветы, попутно замечая, как затряслась стиральная машина, лязгнула крышка мусоропровода, уныло застонал чей-то пылесос. Все это было привычно и понятно, а нетипичный звук из-за окна будоражил любопытство. Стояла осень, и нелепо было предполагать, что коммунальные службы стригут ушедшие под палую листву газоны.

В десять минут одиннадцатого, предоставив магазинам возможность разложить товар, Раиса Степановна взяла сумку на колесах и спустилась во двор. У подъезда она встретилась с Аллой Евгеньевной, которая выгуливала криволапую собачку.

— Не знаете, что жужжит? — поинтересовалась Раиса Степановна.

Алла Евгеньевна склонила голову с седыми кудряшками, выбившимися из-под шляпки.

— Да, правда: где-то жужжит, — ответила она, намурившись. — Я, знаете, привыкла, когда сплошная какофония.

— А я не привыкну, — пожаловалась Раиса Степановна. — Жалобу хочу написать. Вчера Сашка — Артемия Васильевича внук — играл на пианино до часу ночи.

Алла Евгеньевна задумалась.

— Ладно — пианино. У меня стихийное бедствие за стенкой: Эдуард Алексеевич храпит... будто рядом Ниагарский водопад. Как бедная Мария Ивановна терпит? — И, подняв бровь, она деловито спросила: — Участковому напишете?

Раиса Степановна испугалась. Понятие «участковый» ассоциировалось у нее с алкоголиками, пьяными драками, вытрезвителями и уголовщиной. Она робко возразила:

— Наверное, лучше старшей по подъезду... Нине?

Алла Евгеньевна не согласилась:

— Она же — как это? — управляющая ресторанами. Из дома в шесть утра уходит, а приползает в первом часу ночи. Что за старшая по подъезду?

Потом переменяла тему и заговорила о своей собачке Боне. Та мелко подрагивала, тарачила глаза и дышала с хриплым усилием. Живописав Бонины проблемы, Алла Евгеньевна сделала реверанс вежливости, спросив Раису Степановну о дочери:

— Как Ляля, как внучки? Что-то я их не вижу.

Настала очередь Раисы Степановны рассказывать:

— Ляля с Сережей в Бразилии... а внучки у тех бабушки с дедушкой. Сережа — по работе, а Ляля с ним решила. Фотографии присылали — красиво там.

— Молодец у вас Ляля, — сказала Алла Евгеньевна с воодушевлением. — Такая разумная, хваткая... правильная.

Ляля действительно была молодцом: проблем с дочерью Раиса Степановна не знала никогда. Ляля не опрокидывала на себя кастрюли, не била посуду, не засовывала в нос винтики, не глотала монеты, не выходила за калитку дачного участка. Ее можно было посадить на лесную поляну, очертить границы и быть уверенным: Ляля дойдет до воображаемой черты и повернет обратно. В школе Ляля была первой ученицей и первой заводилой. У нее все получалось играючи. В старших классах мальчишки сходили с ума, бесились под окнами и обрывали телефон, но Раиса Степановна не волновалась: она знала, что Ляля не совершит глупости. Дочь вертела кавалерами с ловкостью фокусника и в восемнадцать лет сделала оптимальный выбор: вышла замуж за парня под стать себе — веселого, общительного, из очень порядочной семьи, активного на грани авантюризма, но держащегося в рамках под влиянием хорошего воспитания. Раиса Степановна первое время опасалась

разухабистой натуры Сергея и была приятно удивлена, когда зять, окончив институт по какой-то несерьезной специальности, начал делать головокружительную карьеру.

— Никак в свою квартиру не переедут. Купить — купили, а отделать — денег не хватает.

Раиса Степановна лицемерно потупила глазки. Дескать — подумаешь, купили квартиру! Мелочь какая.

Ей было жутко спрашивать у Ляли, сколько они с Сергеем потратили на квартиру — она плохо представляла такие суммы, они были для нее чем-то абстрактным.

Уколов соседку превосходством, Раиса Степановна отправилась за продуктами, намереваясь попутно выяснить причину жужжания. Когда она вошла в ворота парковой ограды, рот открылся сам: Раиса Степановна увидела азиатского человека, который бежал по дорожкам, держа под мышкой шумный агрегат с хоботом, и направленной струей воздуха сдувал на газон опавшие листья.

Она оторопела от фантастического видения. Городской ландшафт преподносил иногда такие изумляющие порождения чьей-то больной фантазии, что непонятно было — смеяться или плакать. В прошлом году Раиса Степановна едва приучила себя к сюрреалистическому действу собрания листьев в пластиковые мешки. Ей только-только перестали казаться дикостью лысая почва и горы черных емкостей, как явился новый тренд сезона. Вздохнув, Раиса Степановна подумала, что ее психика утратила пластичность и что в юности удавалось быстрее схватывать веяния времени. Потом она отправилась к палаткам, которые тянулись вдоль парковой ограды.

Вернувшись домой, она с досадой вспоминала слова Аллы Евгеньевны, что старшую по подъезду невозможно застать. Потом все же поднялась на восьмой этаж. Ей повезло, дверь открыла Нина. Раиса Степановна едва узнала ее: не сразу поняла, что на соседкином лице нет грима, а кожа, привыкшая к косметике, выглядит бледной, как лишенная солнца трава. На Нине был плюшевый халат. Волосы — нечесаным комом. Вокруг шеи — повязанный в несколько оборотов шерстяной платок.

— Не обращайтесь внимания, — прошипела Нина. — Я просто осипла с этими негодьями.

Раиса Степановна застеснялась тревожить большую женщину, но после бурных уверений, что Нина здорова как лошадь, позволила ввести себя в квартиру. У Нины пахло мятными леденцами. Заверещал телефонный звонок, экран планшета вспыхнул, и Нина раздраженно сбросила линию.

— Не буду разговаривать, — сказала она и принялась быстро-быстро набирать эсэмэску.

Раиса Степановна изложила претензии к меломанам-полуночникам. Она порывалась скорее оставить Нину в покое, но та, несмотря на нездоровье, была не прочь поболтать.

— Может, у них новый Мацуев растет, — сказала она. — А мы талант растопчем.

— Если бы он Чайковского играл, я бы не заикалась, — оправдывалась Раиса Степановна. — Но вы слышали, Ниночка, что он... извергает?

Нина снова сбросила звонок.

— А помните, у Малкиных? Ритка семь лет в музыкальной школе отпахала и за пианино больше не садилась. Как она мне этюдами Черни по мозгам долбила! А шалопаи их, Гришка, ни дня не учился, они считали, что неспособный: мол, нечего семью позорить. Музыкант теперь... говорят, с гастролей не вылезает, по всей стране мотается.

Она вернулась к эсэмэске, а Раиса Степановна ядовито заметила, что так, наверное, лучше... когда по всей стране, а не здесь, за стенкой.

— В таком шуме живем, Ниночка, — посетовала она. — Надо как-то... жалеть друг друга. Летом хоть всю ночь окна не открывай. Орут как резаные.

— У вас окна во двор, — заметила Нина. — А у нас на проспект... через тройные рамы слышно. Если открыть — грохот, как в машбюро — помните? В берушах спим.

— В берушах вредно... а окна во двор, Ниночка, не сахар. Сумасшедшие из четвертого подъезда — если напьются — всю ночь на детской площадке песни исполняют. Милиция — без толку... распугают, а они через десять минут обратно собираются.

— А над нами! — оживилась Нина. — Молодая пара снимает, ребенок маленький, в час ночи по полу бегают. Ножками — топ-топ-топ... У всех были дети — плачут, не спят... но чтобы в час ночи гонять по квартире! А за стеной Мишка — подполковник... мужик здоровый. — Она понизила голос. — Как начнет среди ночи с Людкой резвиться... она визжит, стонет... он ревет, как бык... тьфу, прости господи! А у меня сыну семнадцать лет... вы не представляете, что это такое.

Раиса Степановна покивала. Она не представляла, что это такое — ее сын до семнадцати лет не дожил.

Ее Коля родился сложным, было даже странно, как у молодых и влюбленных родителей, чья энергия била через край, получился такой болезненный, слабенький и чересчур непростой мальчик. Детские недуги Раиса Степановна выучилась принимать как должное и только покорно ждала, перебирая: что нам осталось? Где все дети выходили сухими из воды, Коля ранился и ушибался. В простейших ситуациях ломал ноги и руки... упав во дворе с качелей, получил трещину в основании че-

репа, долгое лечение, больницы, мигрени, бессонница. Он ничего не ел, его невозможно было накормить. Его тошнило в автобусе. У него были сложности в общении, его били на улице, травили в школе, он, будучи домашним тихим ребенком, всегда выбирал дурные компании — не из-за тяги к хулиганью, а из-за непонятого преломления действительности в его маленьком мозгу — точно между ним и окружающим миром стояли искривленные стекла, через которые он видел происходящее по-иному, неправильно. А в четырнадцать лет он выбросился из окна.

Время было тяжелое, наркотическое, и Раисе Степановне было бы, наверное, легче переключать часть ответственности на химию, но по всему выходило, что Коля это сделал в здравом уме и твердой памяти. Он не оставил записки — во всяком случае, Раиса Степановна об этом не знала, и никто не намекал. Правда, она плохо помнила тот период; личные события, мировые процессы грезилась ей как бы во сне, без твердой гарантии, что все происходило именно так. А через два года родилась Ляля, и Раиса Степановна проснулась — поневоле.

Поэтому со словами Нины она согласилась и сказала: — Раньше бич был — соседи снизу. На Новый год хоть из дома беги — поют, смеются, кричат, посуду бьют... каждый сальный анекдот слышен в подробностях. Сейчас постарели. И гости реже... и ведут себя тише.

Нина всплеснула руками.

— Поют — слава богу. Помните, в первом подъезде? Не прощу Филиппу Аркадьевичу — надо ж было продать таким придуркам! Полгода конец света в отдельно взятой квартире — то кувалда, то отбойный молоток, то стены валили. А рабочие их! Один раз — в соседнюю квартиру залезли... другой раз — вообще на полу костер развели.

— Как это? — испугалась Раиса Степановна.

— Пол разобрали до бетона. То ли грелись, то ли собаку жарили.

Описания акустических ужасов могли продолжаться вечно. Взглянув украдкой на часы, Раиса Степановна отклонялась и оставила соседку — восстанавливать голосовые связки. Вернувшись к себе, она варила гороховый суп, мыла кафель в ванной, а потом пришел с работы Валентин Иванович и сел обедать. Он был весел и рассказывал Раисе Степановне, какие скверные буфеты в институте, как мерзко кормят студентов и что безобразие — так относиться к молодежи, а Раиса Степановна поведала о визите к Нине. Валентин Иванович нахмурился и не одобрил:

— Играет на пианино — ну и что? Позитивное занятие. Не по клубам шляется... не в канаве пьяный лежит. У Ирины Павловны внук круглые сутки в игры играет... и на замок закрывали, и компьютер прятали, и

обувь отбирали, чтобы к приятелям не подался. Грохоту больше — стрельба, взрывы, сирена воет — а пользы никакой.

И он вспомнил другой случай:

— Я понимаю, когда Кирилл Александрович жаловался. У него соседи завели собаку — огромную псину. Хозяева уйдут на работу, и словно рубильник включается: садится у двери и воет. Пока не придут... скидывались всем подъездом, специальный ошейник покупали — так хозяева ни в какую: мол, жестокое обращение с животными.

После обеда Валентин Иванович сел за компьютер, и Раиса Степановна слышала, как он колотит по клавишам — с кем-то общается. Потом позвонила сватья, которая строго выполняла Лялино предписание, чтобы внучки ежедневно общались с бабушкой. Сначала подзвали к телефону старшую, Еву, и та прочла бабушке стишок, а потом трубку передали младшей, Лине, которая еще не говорила, а протяжно гукала. Раиса Степановна умиленно представила внучек — полные щечки, торчащий пух белокурых волос, Евины бантики, Линин розовый комбинезончик, — но в глубине души осталась равнодушной. Она не чувствовала к малышам той истерической любви, в которую окунались ее знакомые, имеющие внуков. Девочек называли по Сережиной родне, Евдокией и Капитолиной — в честь прапрабабушки-революционерки и прабабушки-певицы, и Раису Степановну то ли подсознательно обижало, что Ляля пренебрегла ее простонародным именем, то ли она боялась привязываться к прелестным детям, зная, что их ответная любовь к ней будет во вторую очередь, после Сережиной родни. И еще она ловила себя на подспудном чувстве вины — раньше перед Лялей, а теперь и перед внучками, — что если бы не Колина гибель, то дочь могла не родиться, и не состоялась бы прекрасная семья, и внучек бы не было.

Вечером, по дороге с православной ярмарки, заехала двоюродная сестра, Светлана Сергеевна — привезла носки из верблюжьей шерсти, пектиновое монастырское варенье, и застала Раису Степановну в муках совести, горько сожалеющую о хамском поведении.

— Я начинаю в старости опускаться, — докладывала Раиса Степановна в приступе раскаяния. — Что я, в самом деле, привязалась к мальчику? Пусть играет... Я становлюсь злой, отвратительной... Знаешь, как я вела себя в аптеке? Предложили лекарство, а я отве-

тила: «Мертвому припарки». Так стыдно — скажи «нет, спасибо», и нечего выдумывать. Бедная продавщица — сколько она в день выслушивает? Ужас, ужас!

— Город есть город, — проговорила Светлана Сергеевна. — За тишиной поезжай на дачу.

— На дачу? Ты знаешь нашу дачу?

Дача у Раисы Степановны находилась в своеобразном месте: с одной стороны проходила трасса, а с другой стороны простиралась на несколько километров товарная станция, где ни на минуту не затихала деятельность.

— Прожектор среди ночи. И диспетчер по громкой связи командует. И слов, знаешь... не выбирает. Иной раз такое завернет... я раньше не знала, что делать, — хоть Ляльке уши завязывай. Она все слова знала... великий и могучий в расширенном объеме.

— Продайте, — посоветовала Светлана Сергеевна. — Купите в глухой деревне.

— Валя к даче привязан. Там все его руками... он в жизни не согласится — на новом месте с нуля начинать.

Светлана Сергеевна усмехнулась.

— Тогда смирись. Я, думаю, в тишине уже, наверное, и жить-то не смогу. Мне, когда звуков нет, — жутко кажется... чего-то не хватает.

— Нельзя постоянно в каше вариться. — Раиса Степановна покачала головой. — Надо иногда с собой разговаривать... — Она добавила после запинки: — Мне кажется — и Коля стал приходить.

Светлана Сергеевна охнула:

— Господи!.. Говорит что-нибудь?

Раиса Степановна покачала головой.

— Я чувствую, что он рядом. Может, скажет... а тут и не услышишь.

Светлана Сергеевна вздохнула. Она скоро ушла, чтобы успеть на электричку, а Раиса Степановна достала ведро и стала мыть пол в маленькой комнате. Форточка была открыта, и с улицы долетал разговор на чужом языке: дворник, смеясь, гортанно сыпал слова в телефон, и Раиса Степановна отмечала редкие вкрапления знакомых понятий: «автобус», «Новокузнецкая», «кинотеатр», и еще — почему-то — «президент». Улыбнувшись, Раиса Степановна попыталась реконструировать на русском воображаемую беседу. Потом дворник замолчал, и принялись браниться автомобилисты, которые не могли разехаться в тесном дворе, а Валентин Иванович включил телевизор.

ДОРОГА

Когда Павел сделался заместителем директора, то в семье появились деньги, а жена Валерия стала грезить об образе жизни, свойственном успеху и богатству. В ее мечтах, подкрепленных советами друзей и картинками из буклетов, были собственный бизнес — необременительный и чистенький — и недвижимость в благополучном месте. Друг семьи Аркадий, которому супруги опрометчиво обмолвились о планах, обрадовался, сообщил, что давно присматривает избу в некоей Хлыновке, и что естественно поселиться вместе, компанией, а не разбежаться на разные территории поодиночке.

Он так красноречиво расписывал радости деревенского обитания, что Павел заинтересовался не на шутку, и дрогнула даже Валерия, которой идея с самого начала не понравилась.

— Представь! — кричал как-то Аркадий, трясая над шашлычными углями бутылкой с горючей жидкостью. — Там химии проклятой на сто верст нет — природа! Воздух — хоть ножом режь. Представь: придешь с охоты, с рыбалки — камин горит... водочки тянешь... ухи свежей похлебаешь... в баньку пойдём... что еще надо?

По его словам, выходило, что присмотренное место — глухое, практически необитаемое, где без труда можно обзавестись бесхозной землей и воображать себя новоиспеченным помещиком. Бери гектар, хочешь — десять гектаров — и возводи хоромы. А поскольку они с Павлом не кто-нибудь, а руководство строительной компании, то предел их воображению не положен, особенно учитывая дешевизну нищей рабочей силы, и в перспективе они изваяют там хоть кремль, было бы желание. Местных жителей в деревне почти не осталось, а задержавшиеся тихи, неконфликтны и новым хозяевам жизни слова поперек не скажут. И главное, есть у Аркадия знакомый, золотой мужик, которому можно доверить и присмотр, и управление имением в отсутствие владельцев. Мужик этот — бывший городской обитатель, отшельник, творческий человек, потрясающий резчик, скульптор и прочее.

— Помнишь, вешалка у меня в прихожей? Деревянное кружево! Кто приходит — поражаются! Он бы деньги мог лопатой грести!

Валерии смутно припомнились аляповатые дрова, но она, глядя на разгоряченную физиономию друга семьи, готова была признать, что не разбирается в деревянных кружевах. Выросшая в небогатой семье, она вообще мало смыслила в дорогих предметах, поэтому ее тянуло в разные стороны одновременно. Хотелось всего — загородных домов, ресторанов, изысканных яств, зарубежных поездок, отелей, самолетов, фотографий на фоне мировых достопримечательностей... того, что являлось

в мечтах с многонувлевыми ценниками в комплекте, и любые предложения вызывали хватательный рефлекс. Решающим аргументом послужило то, что Аркадий, стянув зубами с шампура кусок мяса, понизил голос и поведал:

— Я у него был как-то... он гарнитур мастерил. Стулья резные и всякое... — Он вытарачил хмельные глазки. — Такому человеку... ого-го!

Авторитет «такого человека» в глазах супругов послужил достаточной верительной грамотой. Все понимали — если, паче чаяния, случится что-нибудь экстремальное в захолустье, то даже тень такой связи приведет пошатнувшиеся умы в норму. Поэтому супруги засобирались в путь — осматривать местность и знакомиться.

Поездка произошла так быстро, что Валерия опомнилась на заднем сиденье, в ста километрах от города, когда закончилось жилое присутствие, пропал асфальт, потянулись однообразные леса, трава, деревья — и больше ничего. Пренеющая от спелости биомасса и пугающая безлюдность. Валерия была недовольна собой. Когда Аркадий объяснял дорогу, оказалось, что возжеленная Хлыновка находится не на реке, как предполагалось из его рыбацких восторгов, а в семи километрах. На общее недоумение он уверенно высказался:

— Нельзя на реке, паводок. Смует к чертовой матери, лучше на горке отсидеться.

Наблюдая в окно бесчисленные стволы, ветки, травяные кочки и болотистые каналы, Валерия думала, что следовало не поддаваться инерции, а непреклонно возразить и сразу поставить крест на неудачном проекте. Что значит паводок? Живут другие люди, и ничего... высокому берегу паводок не страшен. Семь километров — не шутка... Валерия считала, что это расстояние непреодолимо пешком — в принципе. И кому придет в голову разгуливать по безлюдным тропинкам? Насчет безобидности разоренного коренного населения она не обольщалась. Значит, купаться — только на машине... если проедут. А грязь, глина, бездорожье? Засядешь в такой медвежий угол, попадешь в распутицу, в дожди — и кукуй без срока, жди у моря погоды... комаров корми.

Наконец добрались до Ильинского, которое Аркадий характеризовал как большое село, но Валерия обнаружила кучку разрозненных домиков, вросших в бурьян на берегу. Следов цивилизации она не заметила, но было живописно, и действительно имелись воздух и река, а после Ильинского автомобиль, следуя указанию кривой таблички, нырнул в лаз, поросший с двух сторон крапивой и настолько узкий, что над головами смыкались верхушки сосен. Все выглядело очень мрачно. Дорога была разбита, машине приходилось лавировать между изувеченной

купленный, но те бывают редко. Видели их пару раз, и все. Может, не понравилось. А может, случилось чего: говорили, что муж — бизнесмен, а это народ такой... с ними всякое бывает. В одной избе нерусские живут, кто такие — неизвестно, с соседями не общаются, но ведут себя тихо, а что без спросу поселились — не писать же наследникам в Австралию... или в Новую Зеландию... или где они. Не пьют, хозяин положительный, весь день в работе. Трое детей, старшая девочка в школьном возрасте, но не отдают — впрочем, их дело... Потом разговор был направлен Павлом на охоту, и Валерия перестала слушать, а Нина Петровна посмотрела на нее жалостливо и спросила:

— Детки-то есть у вас?

Валерия отчего-то смутилась и покачала головой, а Нина Петровна вздохнула:

— Плохо, когда в деревне деток нет...

И больше в беседу не вступала. Думала о чем-то, наклоняла голову в такт мыслям, поднимала брови — но с Валерией не сказала ни слова. Павел заикнулся, что в Ильинском, может, лучше отдых — простор и река — но Борис Евгеньевич запротестовал:

— Народ там испорченный, без креста. И храма нет у них: ближайший в Лодейково, одиннадцать километров — а к ним даже батюшка не ездит. Там одни пьяницы остались и бандиты — работы нет, колхоз закрыли. Нищета...

По его словам, в Ильинском были магазин, почта, сельсовет и даже участковый, но эти учреждения свидетельствовали, скорее, об упадке нравов и потере естественных ориентиров. Никто в Ильинском не работает, паи колхозники продали, а тому, кто не продавал, — дома пожгли... и зачем? Земля лесом зарастает, еще лет пять — будет чащоба... Ферму закрыли, стройбазу закрыли, коров порезали... упадок и разорение. А в Хлыновке — тишина и благолепие. Бабушки до того богобоязненные — в храм на службу пешком ходят.

Потом Борис Евгеньевич предложил зайти к Марии Филипповне за адресом. Уже был вечер, и на улице темно. Пока Борис Евгеньевич возился с фонарем, Павел, ежась от не привычки к глухому мраку, спросил:

— Освещения тут нет, конечно? Что, не ходят по ночам?

— Да кому особо... нет надобности. Есть тут один шатун... а так дома сидят.

— Шатун? — переполошилась Валерия, отмахиваясь от роя комаров и мошек. — Медведь?

— Нет... медведей не бывало. Я про человека — один есть любитель шататься...

У Марии Филипповны было не заперто. Когда они вошли, в нос ударил неприятный запах, и из-за приоткрытой двери радушно спросили:

— Коля, ты? Входи, входи.

Увидев гостей, маленькая старушка заохала:

— А я-то Колю жду, Коля сегодня пенсию носит.

Валерия, которую замutilo от вони, неприязненно оглядывалась. Ей послышалось рядом вялое клекотание — вероятно, прямо в избе размещался курятник. Поразило, насколько все в доме было грязное — в закуте у печки ситцевая занавеска, о которую явно вытирали руки, и не раз... закопченные кастрюли... невымытые баночки, жестянки... Еще ее удивило, что иконка в углу была бумажной — вырезана из журнала и висела на гвозде. В представлении Валерии хотя бы иконы в деревне должны быть старинные. Коробке из-под конфет, в которую полезла Мария Филипповна в поисках адреса, было как минимум лет пятьдесят. Уже конфет таких не было в природе, и весь мир жил по-другому. Пока Борис Евгеньевич вел переговоры, вошел молодой загорелый парень, поздоровался, и старушка прервала поиски:

— Коля, проходи, садись. Благодетель мой, — объяснила она гостям. — Что бы я делала без него. — Она погладила парня по рукаву, а тот засмутился.

— Ладно уж. Нашли благодетеля.

— Как еще пенсию получить? Сама в Ильинское не пойдешь.

Валерия вспомнила, что старушки якобы ходят в храм за одиннадцать километров, а тут семь, но Борис Евгеньевич, угадав ее мысли, пояснил:

— Конечно! Ограбят, обидят... народ-то без креста. Для них соблазн какой, шутка ли — две тысячи. Они такую зарплату не получают.

Валерии опять почудилась издевка, потому что две тысячи она не считала за деньги, такую сумму она оставляла в кафе, встречаясь с подружками. Под легкую беседу — пирожное, пара коктейлей... Но Коля, присев к столу, положил на клеенку именно две голубые бумажки и мелочь.

— Не страшно по темноте с деньгами? — спросил Павел иронически.

Коля обернулся.

— Нет, — ответил он охотно. — Ночью меня не видно. Это днем как на ладони — бери голыми руками. А ночью не подойдет никто, у меня охрана есть.

— Охрана?

— Ну да. Хозяин. Леший.

Мария Филипповна, которая, сдвинув очки, искала строчку в ведомости, бросила ручку и перекрестилась.

— Типун тебе на язык! Не к ночи будь помянут.

— Нет, правда. — Коля улыбнулся приезжим. Ему хотелось произвести впечатление. — Опекает. Сначала он с Максимом Рябовым хотел подружиться, Максим от него головой повредился — со страху. Он у нас базу охранял, ночным сторожем. Надо несколько раз за ночь забор обходить по периметру. Он говорит: выхожу и чувствую — стоит рядом, как хозяин. Может, если я даже руку протяну, наткнусь. Сопит только, негромко — поспывает. И пахнет от него... не человеком, не зверем.

Я, говорит, иду вдоль забора и понимаю: он со мной идет. Иногда только камешек хрустнет. Собаку завел — собака, как ночь, воет, скулит, бьется... пена из пасти. А на вторую ночь пропала. Ну — это, может, из соседей кто удружил, кому охота не спать и такие концерты слушать? Он выходить из будки перестал: сидит, держит дверь и трясется. Говорит — кажется, что он вот-вот в окно заглянет. И головой тронулся. А потом базу закрыли. Теперь хозяин со мной ходит.

Валерия содрогнулась.

— Как это — ходит? — вырвалось у нее.

— Я — по дороге, а он — по лесу, метрах в десяти.

Пока тут разношу — он ждет, в деревню не суется. Как обратно на дорогу выйду, пять шагов пройду, чувствую — он со мной. Очень тихо по лесу ходит. Там ветки, бурелом, а его почти не слышно. Так, пошуршит... вздохнет иногда.

— Ты ж его не видел, — сказал Борис Евгеньевич раздраженно. — А людей пугаешь.

— Мало ли, чего я не видел, — сказал Коля рассудительно. — Необязательно.

— Вот и помолчи.

— Ты не боишься? — спросила заинтригованная Валерия. — Если не человек... брр.

Коля посерьезнел.

— Самое страшное с нами люди сделали. От лешего хуже не будет...

Он забрал ведомость, положил в карман и распроцался.

Валерия, вспомнив жуткую дорогу до Ильинского, по которой было неприятно передвигаться на машине днем, не смогла представить, как там одному ночью. Пусть рассказы про лешего — местные байки, но ей не хотелось бы даже высовывать носа в темноту. Когда оказались на улице, Борис Евгеньевич, понимая, что Колины сказки неправильно впечатлили потенциальных покупателей, сказал:

— Говорю, хорошее у нас место, благодатное. Даже Коля вон подтверждает, что нечисть не суется.

— А есть она, нечисть-то?

Борис Евгеньевич задумался и ответил уклончиво:

— Кто их знает, что им привидится, с кривого-то самогона.

Подшли к краю деревни, где начиналась дорога в Ильинское и где притаилось невидимое нечто, готовое двинуться с Николаем в обратный путь. Валерия, сознавая нелепость выдумок, постаралась отогнать страх и посмотрела прямо в сторону, где над лесом взошла крупная луна и между деревьями светились творожные облака. Сейчас узкая тропинка, по которой они, петляя и мучаясь на поворотах, проникли сюда днем, казалась прямой, и далеко блестели лунные отражения в лужах. Стебли крапивы и высокая трава, обозначающие границу дороги, темнели причудливым частоколом. Было сыро, потягива-

ло болатом, и чудилось, что они находятся где-то на дне, а посеребренная призрачным светом дорога уходит вверх, из мира в другую реальность. Валерии представилось, как бредет, не торопясь, по этой дороге Николай, становясь частью жуткого химерического миража, и невольно позавидовала его смелости, хотя ни за что на свете не хотела бы оказаться на его месте.

От мечтаний ее отвлек голос Павла, который смотрел в другую сторону и, отметив над головами быстрое движение, спросил:

— Это что? Птица?

— Это? Не-ет... мышь летучая.

— Брр...

Они уехали, едва дождавшись утра, а через пару месяцев, когда Валерия, высказав мужу все, что она думает о дурацких затеях, присущих только маньякам, изучала каталоги недвижимости Хорватии и Болгарии — с глянцевыми снимками зеленого моря, желтого песка и голубого неба, — они опять встретились с Борисом Евгеньевичем, гостившим у Аркадия. Деревенский отшельник привез в город очередной заказ. Он был уместно одет, разговаривал осмысленно и держался степенно и сдержанно. Узнавать, обращались ли супруги по адресу, он не стал — была бы честь предложена, а навязывать свою драгоценную Хлыновку он не собирался.

— Как жизнь у вас? — спросил его Павел. — Как старушки, Михаил Васильевич? Как Коля с лешим?

— Нормально, — отозвался Борис Евгеньевич. — Вишня хорошая, грибов много... два мешка одних белых насытили в этом году. Много грибов. К войне.

— Почему... к войне?

— Так. Примета народная.

Пока собеседники переваривали народную примету, Борис Евгеньевич сделал паузу и добавил:

— А Николай пропал.

— Как... пропал? Искали?

Борис Евгеньевич удивился.

— Кому ж искать? Взрослый человек, если бы ребенок был... своя голова на плечах. Так же вот — нес пенсии и пропал.

— С деньгами? — спросил Павел ехидно.

— Нет, по-честному. Деньги раздал, пошел обратно, а до Ильинского не добрался.

— В лесу не проверяли? — вставила Валерия.

— В лесу-то? Там не ходит никто... проверять нечего.

Валерия задумалась. Она представила ночь, тишину, лунную тропку в Ильинское, фантастические облака, стебли, клонящиеся к прохожим, ажурные пирамидки кипрея, и очень захотелось поверить, что Николай не пропал, а ушел куда-то по призрачной дороге, сопровождаемый невидимым приятелем, что у него все хорошо, и — может быть — он еще вернется.